

Содержание

Предисловие	7
<i>И.Т. Касавин. К демаркации науки и теологии как проблеме генезиса науки</i>	9
Ilya Kasavin. On the demarcation of science and theology as a problem of science genesis	
<i>С.П. Шавелёв. Демаркация типов знания: по «горизонтали» или по «вертикали» пространства культуры?</i>	25
Sergey Schavelev. On the demarcation of types of the knowledge: Commentary on Ilya Kasavin's report	
<i>В.П. Филатов. Феноменология знания и взаимоотношение науки и теологии</i>	30
Vladimir Filatov. Phenomenology of knowledge and the interrelations of science and theology	
<i>М.О. Шахов. Религиозное и научное знание, религиозная и научная вера</i>	40
Michail Shahov. Religious and scientific knowledge, religious faith and scientific belief	
<i>А.И. Алёшин. Сближает ли религию и науку «эпистемологическая релятивизация» науки?</i>	62
Albert Alyoshin. Does «epistemological relativisation» of science bring religion and science closer to each other?	
<i>Б.Л. Губман. Наука и антропологический поворот в современной западной религиозной философии</i>	84
Boris Gubman. Science and the anthropological turn in contemporary western religious philosophy	
<i>С.А. Коначева. Наука о бытии и наука о вере: проблема соотношения философии и теологии в религиозной мысли XX века</i>	102
Svetlana Konacheva. The science of being and the science of faith: the problem of relationship between philosophy and theology in religious thought of XX centuries	
<i>А.П. Забияко. Теологические трактовки квазирелигий (концепции И.Ваха и П.Тиллиха)</i>	126
Andrej Zabyako. Theological interpretations of quasi-religions (conceptions of J.Wach and P.Tillich)	
<i>А.Ю. Бубнов. Религиозный опыт как эпистема</i>	144
Alexander Bubnov. Religious experience as an episteme	
<i>Л.А. Маркова. По поводу доклада А.Ю. Бубнова</i>	158
Lyudmila Markova. Commentary on Alexander Bubnov's report	
<i>В.П. Лега. Что такое вера? Учение Апостола Павла и отцов церкви о сущности веры и отношении ее к знанию</i>	165
Victor Lega. What is faith? Apostle Paul's and Church Fathers' teaching on the essence of the faith and its relationship to knowledge	
<i>А.С. Шавелёв, С.П. Шавелёв. Жизнь и житие (На историографических границах религии и науки: общее и особенное агиографии и биографии)</i>	182
Aleksey Schavelev, Sergey Schavelev. Life and sacred legend On the metahistorical boundaries of religion and science: general and particular aspects of hagiography and biography	

<i>Е.Н. Ивахненко. Эпистемологические основания и условия русской религиозности допетровского времени</i>	201
Eugene Ivakhnenko. Epistemological presuppositions and conditions of Russian religiousness of pre-Peter time	
<i>М.А. Лукацкий. Наследие Л.Н.Толстого и современные подходы к проблеме взаимосвязи науки и теологии</i>	232
Michail Lukatski. Leo Tolstoy and modern approaches to the problem of interrelation of science and theologies	
<i>В.И. Стрелков. Никто не хотел умирать? К типологии концепций практического бессмертия в современной России</i>	251
Vladimir Strelkov. Nobody wanted to die: Materials for the typology of conceptions of «practical immortality» in modern Russia	
<i>Е.А. Евстифеева. Наука и духовные ценности в современном российском университетском образовании</i>	271
Elena Evstifeeva. Science and spiritual value in modern Russian university formation	
About the authors	279

Предисловие

Книга содержит в себе материалы конференции «Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд». Конференция проходила в мае 2007 г. в рамках проекта «Наука и духовность» при поддержке Фонда Темплтона (США), Парижского Междисциплинарного университета и Университета Элон (США). Ее организаторами были Российский государственный гуманитарный университет и Институт философии РАН.

В работе конференции приняли участие специалисты по эпистемологии и философии науки, философии и истории религии из Института философии РАН, Московского государственного университета, Российского государственного гуманитарного университета, Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Тверского государственного университета, Амурского государственного университета (Благовещенск), Курского государственного медицинского университета и других научных учреждений.

На конференции обсуждался весьма широкий круг проблем:

- сравнительный эпистемологический анализ современного богословского и научного дискурсов;
- современные подходы к проблеме границ между наукой и теологией в свете представлений о критериях научности с учетом неизбежного присутствия в науке определенных предпосылок и принципов, которые не могут быть доказаны и окончательно рационально прояснены;
- изменения в современной философии религии, позволяющие изменить стереотипные представления о несовместимости религии и науки;
- влияние онтологических концепций ученых и богословов на их представления о познании;
- знание и вера в научном и теологическом контекстах;
- феноменология и эпистемология религиозного опыта;
- специфика современных квазирелигиозных учений;
- отношения научных и духовных ценностей в истории русской науки и культуры.

Авторы полагают, что близость интересов исследователей науки и религии основана на их понимании значения культурного многообразия в современную эпоху. Ныне важно выявить генетические механизмы культуры, природу творчества, направленного на увели-

чение духовной свободы. Сферы науки, философии и теологии, вовлекаемые в эпистемологический анализ, пульсируют и постоянно воздействуют друг на друга. Вместе с тем прояснение границ между ними способствует более глубокому пониманию динамики культуры.

И.Т. Касавин

И.Т. Касавин

К ДЕМАРКАЦИИ НАУКИ И ТЕОЛОГИИ КАК ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА НАУКИ

Илья Касавин

On the demarcation of science and theology as a problem of science genesis

Every period in the science development is determined not only by experiments and generalizations but also by the interrelation of scientific and extra-scientific world views, rational and mystical elements. According to M.K.Petrov, an eminent Russian scholar, the way from ancient philosophy to modern science necessarily presupposes a kind of a mediator, the medieval theology. The latter provided a disciplinary basis, which made empirical science logically possible. So the problem of demarcation transforms itself into a concrete analysis of roots and development of theoretical knowledge. Now demarcation appears as a deconstruction of simplified and ideologically laden relations between science and other forms of theoretical knowledge.

* * *

Проблема демаркации разных типов знания ведет свое начало с первых классификаций наук от Платона и Аристотеля и вплоть до Ф.Бэкона. В них теология и магия обычно соседствуют с наукой и философией. Более современные постановки вопроса в трудах Венского кружка или «критических рационалистов», как ни странно, столь же неисторичны. Речь по-прежнему идет о науке вообще, теологии вообще, философии вообще — вне связи с конкретными культурно-историческими типами их существования. Мы попробуем сформулировать проблему демаркации несколько иначе, не просто как вопрос о

границах, разделяющих друг от друга две сферы интеллектуальной деятельности. Речь поэтому не будет идти о предметном и методологическом различии науки и теологии, науки и религии, а также о несходстве их культурных и социальных функций. Для нас это вопрос, напротив, об отношениях между разными, но соседствующими областями специализированного сознания и знания, который связан с анализом исторических форм их взаимосвязи, а также ее исторических границ.

Спутники и попутчики науки

Современные исследования по истории науки (теоретической истории науки в первую очередь) приводят к мысли, что наука столь же стара, как и вся человеческая культура в ее высших проявлениях. Если математика и астрономия — науки как таковые вне зависимости от их конкретно-исторической формы, то не только в Древней Греции, но уже в Египте и Вавилоне можно застать развитую науку. На подобной предпосылке базируется подход, развиваемый, к примеру, в книге П.П. Гайденко¹, где в качестве первых научных программ рассматриваются платонизм и аристотелизм. Тем самым не только очерчиваются магистральные линии развития античного и средневекового способов познания, но также вскрываются и корни ряда фундаментальных онтологических представлений, свойственных едва ли не всей истории науки. При всей ценности такого исследования оно не снимает вопроса о собственном предмете, вопроса «А была ли в то время вообще наука?», на который подавляющее количество современных ученых-естественников, не долго думая, дали бы отрицательный ответ. С точки зрения философа и историка науки, оправдано и осмыслено желание расширить понятие науки и сделать тем самым легальным предметом исследования пласты знания, в сущности, не только далеко отстоящие от нас по времени, но и чрезвычайно отличные от того, чему обучают в наши дни в школе и университете. Это служит достижению исторической истины. Однако сегодня уже достигнуто понимание, что жизнь человека, как материальная, так и духовная, не исчерпывается наукой и ее приложениями, и это понимание даже не рискует более конфликтом с домини-

рующей идеологией. Поэтому можно сделать следующий шаг на пути достижения исторической истины и обратить внимание на конвенциональность, относительность таких терминов, как «наука» и «ненаука», что никоим образом не отменяет факта существенного отличия института науки от иных культурных и духовных институтов.

Двигаясь по этому пути, заманчиво заменить дихотомию «наука-ненаука» различием магистрального и периферийного направления развития знания. Магистральное развитие характеризуется регулярностью, прогрессом, накоплением позитивных прикладных результатов; периферийное движение идет неравномерно, нередко образует тупиковые ходы, в нем преобладают мифы и идеологемы, лишь дезориентирующие практику. Так, учения Платона и Аристотеля легко рассматривать как магистральные пути европейской мысли, определявшие стратегии исследования свыше двух тысячелетий, приведшие к современной науке. Тогда как учения Гермеса Трисмегиста или Зороастра — это, напротив, типичная духовная периферия, отклоняющаяся как от ортодоксальной церковной, так и светской магистральной, основа еретических, сектантских, мистических и магических учений.

Однако историки науки и философии уже показали бесплодность подобного подхода. В течение всего пути в современность науки развивались параллельно и в диалоге с тем, чему затем было отказано в научном статусе. Это ясно высветила эпоха Возрождения, откуда отсчитывает время своего рождения новая космология Николая Коперника и магический тезис «знание — сила», сформулированный то ли Роджером, то ли Фрэнсисом Бэконом. Кого же было больше среди людей, поставивших и реализовавших задачу воскрешения античной мысли и культуры из забвения — сторонников античной философской классики или герметистов-каббалистов? Ответ неоднозначен, ибо невозможен всеобъемлющий контент-анализ и вывод «индекса цитируемости» или квалифицированный социологический опрос. Да и кем были, собственно, классики античной философии? По-видимому, они не только не были людьми «антично ограниченными», если перефразировать классика марксизма, но и сама античность — вовсе не царство

просветительского рационализма. Именно поэтому «Тимей» и «Пир» воодушевляют оккультистов, а многочисленные Псевдоаристотели испокон веков служат источниками мистической метафизики. В немалой степени благодаря многообразию возможных и действительных интерпретаций Платон и Аристотель прошли сквозь века, а для деятелей Возрождения их авторитет почти столь же непререкаем, как и для критикуемых ими схоластов.

При этом гуманисты и реформаторы продолжают создавать тексты, по форме не слишком отличающиеся от традиционных средневековых компендиумов, теологических сумм и аллегорических романов. Новизна почти исчерпывается тем, что они начинают культивировать критицизм в отношении догматической умозрительности схоластического дискурса и ищут выход к многообразию природы и достоинству человека, вроде бы игнорируемым средневековой мыслью. Этому служит смещение интереса к мистической стороне платонизма, в силу чего внимание привлекают тексты Герметического корпуса, именно в эту эпоху возникает каббала как специфическое течение иудейской мистики. И здесь же нельзя не вспомнить, что именно Возрождению мы обязаны официальным запретом магии и охотой за ведьмами — классическими примерами преследования инакомыслия, как скоро оно впервые за многие столетия обретает концептуально-последовательный характер.

Рождение современной науки — феномен, с которым обычно связывают позднее Возрождение и Новое время, — оказывается отнюдь не однозначным процессом. Новая космология обязана не только и не столько расширению наблюдательной базы и математической обработке данных, но в значительной степени новому мировоззрению, утверждавшемуся как соединение рациональных и мистико-магических элементов, эмпирического исследования и нового религиозного духа. Следующий шаг — классическая механика — в той же мере связан с платонизмом, алхимией, астрологией и каббалистикой. Последующее осознание ограниченности ньютоновской картины мира и теоретических пределов механики также идет рука об руку с новой волной интереса к религии, магической метафизике и тому, что мы сегодня называем «паранормальными явлениями». И в дальнейшем наука не отрицает религию и магию, но лишь вытесняет

их в сферу альтернативных мировоззрений. Пока же теории удается обслуживать инструментально-эмпирическую практику, наука не вспоминает о новой картине мира и альтернативных идейных течениях. Философские поиски более широкого мировоззрения совпадают, как правило, с периодами теоретической беспомощности и разочарования, что мы наблюдаем, к примеру, в наши дни.

Исторический анализ всего набора учений эпохи научной революции XVI—XVII вв. до сих пор во многом остается делом будущего истории науки и философии. Поэтому осмыслен даже беглый набросок некоторых концептуальных и культурных априори, образующих фундамент богатого интеллектуального спектра данной эпохи. Мы коснемся нескольких типичных персонажей, открывающих эпоху формирования нововременной науки и ранних буржуазных революций, каждый из которых внес свой вклад в формирование естественнонаучной картины мира нововременной эпохи, одновременно находясь под влиянием определенных магико-мистических учений и практик. В их мировоззрении причудливо сочетается алхимия и астрология с химией и медициной, математика и каббалистика, ортодоксальная средневековая теология и еретическая магия.

Роджер Бэкон, Агриппа Неттесхаймский, Филипп Аурелол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм по прозвищу Парацельс, Иоганн Кеплер, Джон Ди — люди, преданные идее знания и по-своему двигавшие науку вперед. Пересечение их концепций с классическими идеями Ф.Бэкона и Р.Декарта на рубеже XVI—XVII вв. во многом задает интеллектуальную ситуацию, в которой начиналась научная революция Нового времени. В их трудах мы находим постоянные ссылки друг на друга, что позволяет рассматривать их как представителей некоторого общего идейного контекста. Так, Агриппа критикует Р.Бэкона за приверженность к оккультизму, Парацельс претендует на то, что он пошел много дальше того и другого, Ди пишет апологию Р.Бэкона, а Кеплер весьма скептически оценивает «небылицы» Парацельса. И никто из них не безгрешен в своем отношении к официальной церковной доктрине, которая и сама трещит по швам.

При этом в обыденном сознании историков первый из них оказывается классическим теологом-схоластом, второй — типичным теоретиком оккультизма, третий — знаменитым практикующим магом, четвертый — великим ученым, а о пятом, в сущности, ничего не известно. Уже при поверхностном ознакомлении с оригинальными текстами² картина оказывается иной. Р.Бэкон, который по времени, казалось бы, выпадает из общего ряда, важен как предшественник и источник, как предтеча новой эмпирической науки. Он — опередивший свое время критик схоластического метода, активно вводящий в систему обоснования теологии зарождающуюся науку, сторонник эмпирического метода и в той же мере — поклонник магического искусства. Записной оккультист Агриппа — последовательный разоблачитель оккультных наук как суеверия и шарлатанства, Секст Эмпирик эпохи Возрождения, собравший и сохранивший сведения о множестве оккультных учений. Парацельс — опять-таки критик суеверий, наивно придерживающийся некоторых из них, и проповедник веры в Бога как лучшего лекарства от вредоносного колдовства и болезней. Иоганн Кеплер — профессиональный астролог, зарабатывающий этим на жизнь и убежденный в истине астрологии, пытающийся при этом провести различие между истинными и ложными оккультными науками.

Джон Ди (1527—1608), о котором известно относительно немного, оказывается математиком, каббалистом, алхимиком и творцом новой космологии чуть ли не в стиле общей теории относительности. Как пишет Ф.Ейтс, «Ди — типичный пример последних магов Возрождения, соединявших магию, каббалу и алхимию с целью построения такой картины мира, в которой прогресс знания был бы странным образом соединен с ангелологией»³. Любопытные сведения о нем и его сыне приводит Н.А.Фигуровский. В 1586 г. Джона Ди пытался пригласить в Москву царь Федор Иоаннович, живо интересовавшийся алхимией. Однако престарелый Ди, занимавшийся в это время в Богемии поисками философского камня, уклонился от поездки в Россию. Он умер в нищете, отстраненный от должности королевского астролога и вообще от двора Елизаветы якобы за излишнее пристрастие к мистицизму. Вместе с тем не исключено, что до королевы дошло панегирическое предисловие к